

Александр Степанович Грин

Последние минуты
Рябинина

Александр Степанович Грин

Последние минуты Рябинина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8055807

Аннотация

«В высокой, просторной, с богатой обстановкой, комнате лежал Рябинин. Вошел доктор, а за ним, неся лекарство и осторожно ступая, чтобы не разбудить больного, появилась сестра милосердия, девушка лет сорока, с постным и чванным лицом.

– Он спит, – сказал доктор.

– Он очень изнурен, – пояснила сестра милосердия, – весь день больной метался и бредил, говоря разные странные, даже неприличные вещи. Но, кажется, микстура понемногу действует...»

Александр Грин

Последние минуты Рябинина

I

В высокой, просторной, с богатой обстановкой, комнате лежал Рябинин. Вошел доктор, а за ним, неся лекарство и осторожно ступая, чтобы не разбудить больного, появилась сестра милосердия, девушка лет сорока, с постным и чванлым лицом.

– Он спит, – сказал доктор.

– Он очень изнурен, – пояснила сестра милосердия, – весь день больной метался и бредил, говоря разные странные, даже неприличные вещи. Но, кажется, микстура понемногу действует.

– Он спит, да, – сказал доктор. – Это хороший признак. Я зайду после.

– Я разбужу его?!

– Нет, этого не следует делать.

Доктор посмотрел на часы и взял шляпу. Он постоял, зевая, затем подошел к кровати.

– Больной выглядит плохо. Эти синеватые тени и побу-

ревшие скулы... гм... гм!.. Когда ему стало хуже?

– Два дня. Я говорила с ним. Он жаловался на острую боль в голове, слабость и лихорадку.

– Он ест?

– Ни крошки, но сильно мучается жаждой.

– В погребке чертовски темно, – вдруг сказал Рябинин, вертя головой. – Подай фонарь! Слышишь, ты, старая хрычовка?

– Бредит, – сказал доктор, взял руку больного и стал считать пульс. – Восемьдесят... семь... сто десять... гм... гм... тяжелый случай.

Он стоял, покачивая головой и думая обычные мысли живого человека о смерти: «Бытие стремится к уничтожению. Жизнь – зарождение, развитие и гибель клетчатки. Все погибает, все рождается».

Рябинин тяжело задышал, вскрикивая:

– Подайте мне сапоги!

– Несчастный Алексей Федорович! – равнодушно сказала сестра.

– Однако я тороплюсь. – Доктор, вынув записную книжку, писал рецепт. – Эти порошки три раза в день; а к голове лед. До свиданья.

II

Утром на другой день сестра милосердия отлучилась

на полчаса, а к больному пришел навестить его Осип Кириллыч Скуба, знакомый фельдшер Рябинина. Сидя у изголовья спящего Рябинина, Скуба читал отысканный на этажерке бульварный роман. Полуоткрытым окном шевелил ветер, рама скрипнула; увлеченный чтением, Скуба вздрогнул, поднял голову и стал размышлять:

– В романах женщины отдаются легко, а попробуй в действительности! Я думаю, что авторы, описывая любовные интриги, дополняют воображением недостаток своего собственного существования. Ну, мыслимо ли, чтобы в течение одного месяца Артур соблазнил четырех графинь, полдюжины баронесс, монахиню, горничную и двух дочерей лакея? Впрочем, мне все равно, и я думаю... – Здесь Скуба, осмотревшись, вытащил из кармана зеркальце и стал внимательно рассматривать свое похожее на дыню лицо. – Я думаю, что при некотором усилии с моей стороны обладание женщинами давалось бы мне легко. Но я ленив. В прошлом году... Судомойка из ресторана... Нет, та была слишком толста. – Медленно шевеля губами, Скуба прочел: – «Пухлая шея вздрагивала от поцелуев». Какая сочная кисть у этого автора!

– Кто-нибудь! – открывая глаза, простонал Рябинин.

– Здравствуйте! – сказал Скуба. – Это я, ну как ваши делишки? Лучше ли вам?

Больной повернул голову.

– Не знаю, – с усилием проговорил он. Помолчав, Рябинин

продолжал, морщась от надоедливой мухи: – Голова распухла, и весь я как будто распух, отяжелел и... разбит. Был мерзкий сон... Я видел себя лежащим на шоссейной дороге, связанным по рукам и ногам. По мне проезжали возы... Тысячи возов. Они ехали тихо, один за другим... головы лошадей упирались в задки телег... и массивные ободки колес врезывались в меня.

– Ужасный сон, – подобострастно сказал фельдшер.

– Комната потихоньку кружится слева направо, – неожиданно заявил Рябинин. – Нельзя ли остановить ее?

– Успокойтесь, это ваше больное воображение, – оглядываясь, возразил Скуба. – Все стоит крепко на своем месте.

– На фабрике все по-прежнему? – устремив глаза в потолок, спросил Рябинин.

– Ах! – не отвечая на вопрос и захлебываясь осторожным смешком, подпрыгнул Скуба. – Знаете, я расскажу вам забавную историю. Старший монтер Чиликин со своей молоденькой мачехой... ей-богу! Отец погнался за ним с ружьем, а он, выскочив в окно, кричит: «Я, батя, родственные узы скрепляю!»

– Неужели?

– Представьте. Так и сказал. – Скуба, хихикая, блеснул глазами.

Болезненная гримаса смеха появилась на восковом лице инженера. Он, приподнявшись, разразился глухим кашлем и сунулся головой в подушку, сказав:

– Скверно. Пожалуйста, принесите мне стакан чая. В столовой.

Рябинин лежал лицом кверху, время от времени слабо шаря руками по одеялу, как бы сбрасывая невидимую тяжесть. Через минуту он снова впал в бредовое, бессознательное состояние.

Ш

Скуба появился, держа в вытянутой руке стакан чая, а следом за ним вошел церковный староста фабричной церкви и, вместе с тем, токарный мастер – Филиппов. Это был плотный человек с круглым, веснушчатым лицом, стриженный по-казацки, в кружок.

– Смотрите, – шептал Скуба, – как скрутило-то его, а?

– Д-да-с, д-да-с... – промычал Филиппов, – так-с...

– С-с-с! – зашипел Скуба, ставя стакан на стол. – Заснул, что ли?.. Просила меня сестра посидеть с ним. А вы как?

– По ягоды хожу. Полпуда варенья жена сварила.

Они говорили шепотом.

– Новый пасьянс узнал, – сказал Скуба, – вот интересный. Я карты с собой завсегда ношу, езжу в Парголово, так уж в «двадцать одно» постоянно с чухной играю.

Он, муся пальцы, стал раскладывать карты.

– Тройку сюда, – советовал Филиппов, углубляясь в занятие. – Выгоднее туза взять.

Рябинин, очнувшись, закашлялся. Филиппов, сочувственно тараща глаза, подошел к кровати.

– Эка вы нас пугаете, – безразличным голосом произнес он, – хворать вздумали, нехорошо, Алексей Федорович!

– Да, скверно, – узнавая Филиппова, прошептал Рябинин, – временами мне кажется, что я уже умер. Одеяло давит меня. Мне жарко... а руки... мерзнут. Я скоро умру.

– Тьфу, тьфу! типун на язык, – сказал Филиппов, – чего еще выдумаете! Еще нас всех переживете.

– Нет, я умру, – упрямо заявил Рябинин.

– Крепитесь, крепитесь, – басил Филиппов. – Господь... все в руке божией.

– Я знаю, что умру. – Рябинин усмехнулся. – Все равно.

– Нет, уж вы, пожалуйста, не расстраивайтесь, – говорил, словно торгуя ненужную вещь, Филиппов.

– Звук каждого слова болезненно отдается в мозгу, – сказал, помолчав, Рябинин, – но мне хочется разговаривать. Мне как будто немного легче. А знаете... я думал... Ничего нет.

– Как-с? – не понял Филиппов.

– Я говорю, – как бы разговаривая сам с собою, продолжал Рябинин, – что... ничего нет... простая штука.

– Это где же? – вставил фельдшер.

– Там. – Рябинин криво и неохотно улыбнулся. – Там... за гробом... как это принято говорить.

– Как нету? Есть... – недоумевая, сказал староста. –

Все есть.

Рябинин сделал попытку мотнуть рукой.

– Рассказывайте! – Он как будто немного оживился, заговорив громче. – Бабы сказки. Все чепуха. «Земля есть, и... в землю...» Пожалуйте землю есть. Да. Когда будете умирать – увидите, что я прав. Я, это, знаете, не думаю, а чувствую. Тело мое в ужасе. Оно противится разрушению. Оно... осызает смерть. Я ничему не верю. Сегодня ночью я испытывал предсмертную тоску каждого мускула... каждого ногтя и волоса. Да. Страх смерти естествен... что же в нем предмет ужаса? Пустота. В молодости я резал индюшек, и, когда ловил... их... они кричали... раздирающим голосом... а когда... просто гонялся... из шалости – крик... был другой...

– Так-то, – возразил, чувствуя себя неловко от «умственного» разговора, Филиппов, – то, знаете... птица – курица там, индюшка. Они глупые.

– У них тоже тело, – сказал Рябинин. Скуба, забыв о чае, ковырял в носу.

– Рассудок непостоянен, как женщина, – снова заговорил Рябинин, начиная впадать в полузабытьё, – если бы все помнили... если бы все помнили... Нагнитесь.

Филиппов, солидно округлив спину, нагнулся к посиневшему лицу инженера. Рябинин заметался, потом широко раскрыл глаза и, с хитрой улыбкой на губах, таинственно зашептал:

– Если бы... человек... всегда помнил... что за гробом... один... пшик, нуль... он жил бы лучше. Не мерзавцем.

– Эх, – сказал староста, – да не тревожьте вы себя... право...

– На земле стало бы веселее... – сияя и радостно улыбаясь, продолжал Рябинин, – был бы огромный пир...

– Где пир? – расслышав последние слова, осведомился фельдшер.

Голова Рябинына опустилась на подушку, глаза закрылись; он стал дышать быстро и тяжело; каждый его вздох сопровождался глухим хрипом.

– А ведь плохо ему! – сказал староста, подняв палец. – Бегите-ка за доктором, а?! Плохо ему.

Скуба, кивнув головой, вышел.

IV

Филиппов сел в кресло, почесал за ухом и сложил на животе руки. «Странно – думал он, – я ведь тоже умру. Каждый знает, что умрет, а все как-то не верится. Удивительно все на свете. Хотел утром напомнить Егорке, чтобы сапоги к воскресенью сшил, да на рантах, а не на гвоздях. Забыл. Десять худых мешков не забыть бы татарину продать. А что, если правда-то твоя, Алексей Федорович? Господи, прости меня, грешного. – Он зевнул и перекрестился. – Не понимаю я умственного этого пояснения. Понятно, человек в жа-

ру, бредит. Поверь-ка я ему, так от страха одного похудею. А он говорит, что веселее бы стало... держи карман шире! Расстроил он меня. Сорок лет ни о чем не думал, а сейчас, как паршивый студент какой, мозговать пустился. Положил-ся бы на волю божию».

Закрыв глаза, он вдруг, неожиданно для себя, заснул. Прошло несколько минут, в течение которых и спящий и умирающий были неподвижны. Филиппов похрапывал. Левая рука Рябинина свесилась, пальцы ее медленно шевелились. Рука как бы стремилась занять прежнее положение, согнулась в локте, вздрогнула и опустилась. И, еле слышно, так тихо, что почти не шевелились его губы, инженер прошептал:

– Милочка?.. Не мой кипятком руки... Возьми шпильки. Наступила смертная тишина. В окне сверкал сад.

Филиппов вдруг очнулся, быстро вскочил и стал протирать глаза. Сильный, непонятный страх овладел им. Сонно жужжали мухи.

– Алексей Федорович! – тревожно позвал Филиппов.

Рябинин не шевелился. Староста подошел к кровати, увидел полуоткрытый рот, стеклянные, невидящие глаза и, быстро крестясь, бледный, задом отошел к двери. Здесь, вытянув шею и пугаясь таинственной тишины, Филиппов жалобно произнес:

– Алексей Федорович! Не шутите!